

1020 В гостях у друзей

ЗАМЕТКИ О ТБИЛИССКОМ ТЕАТРЕ

Вот уже месяц, как в нашем городе гастролирует орденоносный Тбилисский театр; за это время ленинградцы имели возможность хорошо познакомиться с ним и полюбить его. Теплый прием неизменно сочувствует его спектаклям, различные языков не стало преградой между сценой и зрительным залом.

Театр приехал к нам на гастроли, но, пожалуй, одним этим словом нельзя определить огромного культурного значения его приезда, хотя в слове «гастроль» ничего не осталось от того, что привносили в него предприимчивые антрепренеры и коммерсанты от искусства. Грузинские товарищи приехали в гости к своим друзьям для своеобразного отчета и обмена культурными ценностями. И вслед за украинской музыкой, казахскими напевами, узбекской мелодией мы услышали звуки зурры и чонгури, застольную «Мравал-жамнер», звонкую грузинскую песню, увидели «дело» — старинную народную игру Мегрелии и Турии, динамичный горский танец «Зилду» и по достоинству оценили их.

Свободолюбивый, гордый и мужественный народ и в искусство принес черты своего характера, как учил этому мудрый Руставели: «Мне нужны: вся сила слова, сердце пламенное, лира и прозренья, чтоб звучала речь поэта, как закон». Самоотверженная любовь и нерушимая дружба, горячая преданность родине и непоколебимая верность долгу — все это нашло отражение в спектаклях Тбилисского театра и не могло не найти отклика в сердцах зрителей. И не случайно персонаж оперы «Дареджан

цбиери» поэт Гоча — мужественный и честный патриот, ссылается на Руставели, не случайно коварная Дареджан говорит (правда, слишком поздно) о том, что нужно беречь поэта, ибо он — величие и гордость народа. Нет, Гоча не поддался ее уловкам, перед лицом истории он сказал:

Есть времена, когда позорно жить,
И в смерти — жизнь, спасенье и свобода!
Пора и мне все счесть здесь покончить!
Пойду — и с чистой совестью предстану
Пред лицом тех, кто в жертву все принес
На родины алтарь неугасимый,
А для себя и гроба не стяжал!

По бытующему в народе сюжету драматической оперы «Абесалом и Этери» — популярному сказанию «Этериани», на материале которого театр создал спектакль огромной силы, можно проследить еще одну характерную для поэтической грузинской драматургии черту. И, хотя сказание не полностью вошло в канву спектакля, хотя коней трагической и чистой любви Абесалом и Этери в опере не совпадает с концом народного сказания, — эта черта не выпадает из спектакля.

Да, решительный и мрачный Мурман, трогательные Абесалом и Этери — именно те, каких всеками представлял себе народ, какие сохранились в его памяти, переходя из поколения в поколение. Абесалом умирает, не дождавшись возвращая

Этери. Этери убивает себя. Цветы вырастают на их могилах, а на могиле Мурмана, который потом закапывает себя между ними, вырастает терновник и встает между цветами, которые тянутся друг к другу.

Так сказано в «Этериани», несколько не так показано это в опере, однако могучая сила страстей от этого не мельчает. Заключительный хор и оркестр в музыке Захария Палиашвили доносят до слушателей и горечь терний и красоту роз, и то вдохновение, которое двигало умом и сердцем композитора.

И в других спектаклях, даже в комической опере, блестящей, веселой, построенной на городском фольклоре — в «Кето и Котэ», ясна патриотическая целеустремленность искусства. Вернувшись из дальних странствий Котэ вовсе не ради красного словца говорит о том, что он горевал на чужбине о тягостной судьбе своей отчизны. Пусть пляшут веселые кинто — беззаботные кутилы и остроловы, пусть гремит «Мравал-жамнер» и дерутся хитроумные свахи, — родина дороже всего, о ней помнят всегда и везде, при любых обстоятельствах, в любых условиях.

Преданность родине, осмысленная, глубокая, проникновенная, рождает и пестует чистую, благородную любовь, чувство долга и верности, воспитывает сопротивление злу и насилию. Благородные

общечеловеческие чувства, преломленные в старинных легендах и сказаниях, органически вошли в ткань превосходной музыки и зазвучали по-новому. Это доказали нам грузинские товарищи, которые, как учил Станиславский, овладевают «градусом внутреннего нагрева», глубоко проникают в суть явлений, ибо подлинный артист старается запечатлеть получаемое им извне не как статистик, а как художник, не только в записной книжке, но и в сердце. Таким образом работа их служит воспитанию черт характера советского гражданина, которому вовсе не зазорно учиться всему лучшему у лучших представителей прошлых поколений.

Вот эти мысли и возникают, когда смотришь и слушаешь спектакли Тбилисского театра, расцветенные сверкающими дарованиями наших гостей.

Высокоодаренные, передовые мастера советского искусства — они помнят слова Станиславского: «Если артисты не хотят выпустить из своей власти внимания тысячной толпы, сидящей в зрительном зале, они должны заботиться о непрерывности процесса общения с партнерами своими чувствами, мыслями, действиями, аналогичными чувствам, мыслям и действиям изображаемой ими роли». Так и поступают на сцене певцы и танцоры Тбилисского орденоносного театра. Тогда стремления грузинских товарищей становятся понятны и дороги нам, ибо это и наши стремления: дела их понятны и дороги нам, ибо это и наши дела. И мы понимаем друг друга, несмотря на различие языков.

К. ИЖОРСКИЙ